

Письма Н. И. Пирогова к Е. М. Бакуниной

№ 1

18 января 1856. С.-Петербург

Почтеннейшая сестра Екатерина Михайловна!

Военное начальство желает иметь сестер в различные госпитали Южной армии. Великая княгиня решила послать 22 сестры только в следующие четыре госпиталя: в Вознесенск (пять сестер), в Тульчин (пять), Новоодесск (пять), в Одессу (семь). Вы же писали, от 2-го января, что есть много желающих вступить в общину. Этим нужно воспользоваться, и ее императорское высочество поручила мне написать вам, чтобы вы принимали сестер на следующих условиях.

Первый месяц они должны оставаться в своем платье и белье. Через месяц получают платье и белье общины. По крайней мере один год они должны оставаться на испытании без креста, занимаясь под руководством старших сестер в госпиталях и живя общиною.

Через год получают крест, а некоторые отличившиеся или же известные *досконально* своей ревностью, хорошим поведением, образованием и пр., — и прежде того. Желаящие поступить из высшего сословия по влечению или по внутреннему призванию составляют, разумеется, исключение из этого правила. Так как трудно найти разом 22 надежных сестры для госпиталей, отдаленных от центра общины, то, очевидно, лучше снабдить их по крайней мере такими женщинами, которые — в случае неудачного выбора — не могли бы запятнать общину, не нося еще на себе ее высокого символа и не будучи еще, следовательно, настоящи-

ми сестрами. Наберите таких десять или двенадцать; остальные будут присланы в Москву из петербургской общины; набрав, оставьте их в екатеринославских госпиталях под надзором тамошней старшей сестры (которую хочет выслать Е. А. Хитрово; это, кажется, будет Башмакова), а сама отправьтесь, по вашему желанию, в Москву, где найдете и остальных десять или пятнадцать (которые будут посланы из Петербурга туда); повидавшись с вашими почтенными родственниками, отвезите этих десять или пятнадцать сестер опять в Екатеринослав, возьмите здесь и остальных десять, которые покуда приучатся к госпитальным занятиям, и развезите их в сказанные четыре госпиталя: Тульчин, Новоодесск, Одессу и Вознесенск, и поместите в них, следуя известным вам взглядам о цели и направлении общины. Это, кажется, будет сообразно вашему желанию; вы желали (в письме, от 2 января ко мне) отдохнуть немного и повидаться с родственниками вашими в Москве и вместе с тем побывать с сестрами и в других госпиталях. Ваша опытность, ваш справедливый и высокий взгляд на цель и направление общины служат залогом, что вы поставите и новые отделения на хорошую ногу и будете тем полезны ей; вы же можете определить и выбор старших сестер для этих отделений.

Займитесь этим делом со свойственной вам ревностью; вы видите, что обстоятельства требуют разделения общины на множество отделений, контроль которых делается все труднее и труднее; без содействия опытных и ревностных сестер, как вы, община легко может уклониться от предназначенной цели; итак, примитесь с Богом за дело вам уже известное; результат будет тогда несомненный, только не оставайтесь долго в Москве.

В Екатеринославе вы верно еще дождетесь кн. Долгорукова, назначенного на место гр. Велигорского, и с ним можете также переговорить о делах общины; он человек благомыслящий и добροжелательный. Прощайте, храни вас Бог.

Вам преданный от души *Н. Пирогов*

№ 2

1856, февр[аля] 9. С.-Петербург

Почтеннейшая сестра Екатерина Михайловна. Община, которая столь многим обязана вашему усердию, находится теперь, по смерти нашей незабвенной настоятельницы, опять без руково-

дителя. Сестра Карцева, которая подавала столько надежд, также лежит больная в тифе.

Все, что нашими общими усилиями удалось ввести в общину для направления ее к высокой цели, может легко и невозвратно исчезнуть. Вы остались еще одна в настоящее время из всех, которая может поддержать истинное значение общины и руководить ею предположенным и известным вам путем.

От имени ее высочества, высокой покровительницы благого дела, я предлагаю и даже требую от вас, как святого *долга: возьмите на себя управление общиной*. Не отговаривайтесь и не возражайте; здесь скромность и недоверие неуместны; забудьте на время все ваши частные отношения для общего дела. Я вам ручаюсь, вы теперь необходимы для общины как настоятельница. Вы знаете ее назначение, вы знаете сестер; вы знаете ход дел; у вас есть и благонамерение, и энергия. Ваши недостатки вы знаете лучше меня, а кто хорошо себя знает, для того это знание лучше совершенства. Вы знаете также, как я вас уважаю и люблю, знаете также мою привязанность к общине, и потому я уверен, что мое предложение будет вами принято беспрекословно. Не время много толковать — действуйте. Ее императорское высочество желает, чтобы вы, приняв на себя звание настоятельницы и управление общиной, как можно скорее *приехали сначала к нам в С.-Петербург* на короткое время, а потом бы уже отправились также для короткого, так вами желанного, отдыха в Москву. Но ради Бога не медля и решительнее! Решительности, впрочем. Вас учить не мне. Итак, с Богом, почтенная Екатерина Михайловна, приезжайте скорее сюда. Спешите.

Вас искренно уважающий *Н. Пирогов*

№ 3

Одесса [1857 г.?]. 14-го дня

Почтеннейший Василий Иванович и почтеннейшая сестранастоятельница Екатерина Михайловна! — Я нарочно пишу к вам обоим вместе одно послание, как к двум самым главным столпам Крестовоздвиженской общины, и увы! вместе с вами же должен горевать о предстоящей ей будущности. Слишком быстро принимает она громадные размеры; громадное в России быстро деморализуется. Но чем труднее обстоятельство, тем тверже надо противостоять.

Я вижу из письма Екатерины Михайловны, что ей подчас невесело бывает, но как же быть? Не бросать же из-за этого все хорошее, не бросать же все будущее вон из окна, потому только, что настоящее не слишком утешительно! Я знаю, вы ответите, — и в будущем нет ничего привлекательного! Но будем осторожнее в суждениях о том, что не всегда совершается по неизбежным законам ума и опыта. Как бы, с одной стороны, ни было грустно, что такое великое дело, как введение женского надзора в наши госпитали, при самом его начале начинает уже хромать и портиться, — все-таки сделан шаг вперед. И как бы ни было сильно противодействие, как бы плохо благая цель ни исполнялась, — твердый характер, благородство души и прямодушие настоятельницы еще много успеют сделать и, по крайней мере, не допустят заплесневшее перейти в гнилость.

Я, впрочем, боюсь теперь не столько противодействия для общины со стороны госпитального начальства, сколько другого — деморализации от лести и интереса. Не все будут так трусливы, как главный доктор московского госпиталя, который уже теперь общину величает тайным обществом и хочет ее передать в руки тайной полиции; найдутся люди поумнее; петербургские госпитальные дипломаты будут иначе действовать; они лучше знакомы со слабостями человеческой природы.

Если община будет наконец введена в военные петербургские госпитали, то я бы советовал поручить их непременно Елизавете Петровне [Карцевой], — никому другому. Напишите мне, ради Бога, что придумает комитет министров и как он определит отношения общины к военным госпиталям; это, конечно, еще не главное (главное — каковы будут сестры), но из этого можно уже будет видеть, разнюхали ли они, в чем состоит дело. Вам надобно было вступить в переговоры с русскими пиетистками; из этого класса надобно было бы привлечь кандидаток для общины; между ними есть, правда, много гипокритства* ; но это из всех пороков сестер есть еще самый простительный; — слишком строгими в выборе вам теперь уже нельзя быть поневоле! Постарайтесь теперь по крайней мере при предстоящих средствах улучшить материальную сторону сестер и хотя через это сделать их менее доступными к деморализации; а то, вы увидите, будут брать взятки!

Ко мне приходят нередко сестры, бывшие в общине у сестры Щедриной, плачутся на горькое их положение. Одна из них, —

* Ипокритство — лицемерие.

знаемая Е. Ал. Хитрово, фамилии не припомню, — особливо жаловалась на Щедрину и говорила, что община ее руинировала совершенно; одну, с лишаем на носу, мы кое-как выпроводили в Киев; одна, которая просила великую княгиню об определении ее сына в школу, была у меня. Я уже два раза писал градоначальнику Алопеусу, чтобы он поместил ее сына в приют; у нас в училище нет вакантных и казенных мест, но ответа еще не получал.

Что касается до Одессы, то в настоящее время ее характеризуют три превосходные качества: грязь, воровство и дороговизна. Первое оттого, что для мощения улиц употребляют вместо камня муку; второе — благодаря усилиям Воронцова и Федорова — населить край беспаспортными; а третье уж Бог знает почему, говорят — будто бы война [...].

Сделайте одолжение, похлопочите переслать фрейлине Раден мое письмо; но, пожалуйста, через верные руки, через курьера, и поскорей из придворной конторы.

Надеюсь, что ни Екатерина Михайловна, ни вы меня не забудете и будете оба меня извещать, а я, если не делом, то словом, или чем могу, остаюсь вам верным и готовым для вас вам навсегда преданный.

Н. Пирогов

№ 4

Одесса. 5 августа 1857 г.

Почтеннейшая Екатерина Михайловна.

На *первый* ваш вопрос я уже, кажется, несколько раз вам отвечал: если от общины и ее настоятельницы будут требовать того, что, по вашим глубоким убеждениям, невозможно исполнить, или того, что противно идее, составленной вами об устройстве и обязанностях учреждения, — то откажитесь.

Мне, как я думаю, хорошо известны и ваши хорошие качества, и ваши недостатки (у кого их нет); но я никого другого не знаю, кому бы можно поручить нравственное и служебное заведывание общиной. Если же бы нашлось другое лицо, которое по вашему убеждению, или по убеждению высшего начальства общины, может лучше вашего устроить ее на будущее время и дать ей более прочное жизненное начало, то передайте с радостью этому лицу ваши права.

У вас будет довольно для этого и самоотвержения, и благородства души, и беспристрастия, и истинной любви к начатому делу. Я знаю очень хорошо, что вы не можете сообщить общине характер *формально-религиозного* учреждения; но вашим примером действий и вашей любовью к делу вы можете, конечно при благоприятных условиях, сообщить ей *известный нравственный характер*. Итак, если великой княгине угодно будет сделать из общины *религиозный орден*, то вы навряд ли успеете способствовать к достижению этой цели; но ваша честность, прямотушие, усердие к делу и опытность более чем достаточны придать *истинно-нравственный* характер учреждению, если захотят ограничиться только таким направлением именно.

На *второй* вопрос отвечаю: *да*. *Настоятельница в настоящее время* может быть избрано и лицо, не находившееся до сих пор в общине, а постороннее. На будущее же время, если бы удалось общине укрепиться и духом и телом, выбор, по моему мнению, должен бы быть непременно ограничен, и кандидатки должны бы быть избираемы из среды общины.

Теперь же очевидно, что terrain* общины еще недостаточно разработана для того, чтобы доставлять материал, необходимый для образования настоятельницы (вы употребили слово начальница, которое, как вы знаете, я и Екат. Алекс. Хитрово вычеркнули из прежнего статута общины).

Третий вопрос — о протестантизме и католицизме — тогда только может быть решен положительно, когда окончательно решат, какое *направление*, или какой *характер*, должен быть дан общине. Если *религиозно-орденский*, то, конечно, должны быть принимаемы одни православные; если же чисто *нравственно-филантропический*, то странно бы было ограничивать выбор одними православными. Я что-то сомневаюсь, чтобы у нас и в наше время можно было с успехом сделать из общины *религиозный орден*. Во-первых, наше православие как-то худо клеится с орденскими учреждениями; оно не довольно самостоятельно для этого; во-вторых, вообще в наше время нельзя учредить хорошо того, что так хорошо учреждалось в средние века или за три-четыре столетия до нас. Впрочем, если бы уже пошло на то, чтобы дать общине *орденский характер*, то, мне кажется, удобнее бы было определить для этой цели один из *женских монастырей*. Иначе, как вы хотите временно посвятивших себя служению больным

* Почва, основа.

сделать истинными и ревностными членами религиозно-орденского учреждения?

Во всяком случае, при этом направлении непременно нужно будет требовать, чтобы сестры оставались навсегда сестрами, будут ли они монахини или нет.

Наконец, то же самое должно сказать и о четвертом вопросе (*l'ordre de la journée*)*.

При орденском направлении общины необходимо самое точное распределение времени как служебного, так и внеслужебного; вся жизнь вступивших в орден должна идти по ниточке. Другое дело, если община останется только чисто *нравственным филантропическим* учреждением; в этом случае я не вижу необходимости слишком вмешиваться во внеслужебное время сестер; это было бы ни к чему не ведущее насилие личности; достаточно, если настоятельница будет вполне убеждена, через точное наблюдение, что внеслужебное время употребляется сестрами с хорошею целью и прилично их званию.

Итак, вы видите, что по моему мнению все зависит от того, как решится коренной вопрос о *характере общины*. Я сам клонюсь более на сторону *нравственно-филантропического направления*, и думаю, что оно более соответствует духу и потребности нашего времени [...].

Вам навсегда и всегда преданный, вас искренно уважающий.

Н. Пирогов.

Прочтите это письмо и В. И. [Тарасову]. Поклонитесь ему от меня от души; я ему скоро также надеюсь написать. Жена вас от души обнимает.

№ 5

9-го октября [1857 г. ?]. Одесса

Почтеннейшая сестра-настоятельница Екатерина Михайловна. Из писем ваших ясно видно, что вы в разладе с вами же самими. Избегайте видеть одну только худую сторону. Я не хочу этим сказать, что от худого должно закрывать глаза. Нет, смотрите худому прямо в глаза, знайте всю его подноготную, но не выбрасывайте из окна и хорошего. Очевидно, что община, которой вы служите настоятельницей, не могла по ее происхождению, развитию и всей обстановке быть тем, чем она должна бы

* Порядок, распределение дня.

была быть. Но разве она уже действительно так худа и безобразна, и ненормальна, что должна непременно разрушиться? Разве вы сами (вы знаете, я льстить не люблю), разве Елизавета Петровна [Карцева] и еще две-три сестры обязаны не общине обнаружением своих достоинств? Не будь общины, и все эти личности скрывались бы в хаосе общества. Община еще далеко не исполнила всех ее высоких обязанностей, далеко еще не достигает цели, но все-таки она сделала многое нежданное, до ее основания невиданное, и эту хорошую сторону общины надо постоянно иметь в виду и, имея в виду, идти, идти и идти вперед, не скрывая худого, поставляя его всем на вид, с искренним желанием его исправить. Поверьте, при этом прямом и испытанном уже способе смотреть на общественные учреждения, рано или поздно все пойдет на лад.

О! Если бы все худое можно было разом с корнем вон выкинуть! Когда нельзя, то уцепимся обеими руками, ногами и зубами за хорошее, если бы даже оно так было мало и ломко, как соломинка; будем мучиться, сдерем кожу с рук и ног, искрошим зубы, но не выпустим того, за что раз ухватились. Больше ничего вам не умею сказать в утешение. Мне кажется, что при настоящем развитии общины вам бы можно было учредить, хоть для 3-х, для 4-х сестер, искус, да порядочный, чтобы испытать, не удастся ли образовать еще две, три замечательные и дельные личности. Неужели в целом русском царстве не найдется двух или трех, которые бы со славой выдержали трудное испытание, в которых бы не запала мысль о высоте дела и цели, в которых бы не пробудилось сознание, что можно жить и другой жизнью, не похожей на ежедневную? Я все еще не потерял эту веру и равно верю в зло и в добро, врожденное человеку. А если вам удастся, несмотря на все препятствия, образовать через нравственный искус вашими стараниями и наблюдениями таких двух, трех избранных, то вы уже исполнили ваше призвание и должны будете благодарить только Бога, что он послал вас туда, где вы были нужны.

Не предавайтесь отчаянию и безверию в хорошее, это — модная болезнь нашего общества, очень понятная, неизбежная, чисто нервная, и, как все нервные болезни, требующая воли со стороны больных, чтоб ей не совсем поддаться. Пусть же покуда большая часть сестер занимается себе, худо ли, хорошо ли, в госпиталях, но выберите двух, трех, возьмите их под свое

крыло, растолкайте, разбудите, испытайте в тиши, но глубоко; может быть, Бог и поможет вам; это будет самая прекрасная сторона вашей деятельности в пользу общины и всего человечества, а вам в утешение на трудном пути.

Еду в Екатеринослав и Таганрог завтра. Надеюсь вернуться через три недели. Не забывайте меня. Жена вам кланяется и скоро соберется сама вам написать; она благодарит вас за Алексею.

Вам преданный *Пирогов*

№ 6

Одесса. 18 апр[еля] (1858?)

Почтеннейшая сестра-настоятельница, Екатерина Михайловна. Я вам давно не писал, потому что был по горло занят и делом, и бездельем. Для чего вы это все грустите? Вы знаете:

Кто всё плачет, всё вздыхает,
Вечно смотрит сентябрем,
Тот науки жить не знает...

Полноте! Если б я вздумал вздыхать обо всем, что у меня делается, я весь превратился бы в один вздох.

Идеал мы никогда не должны выпускать из мысли и из сердца; он должен быть нам постоянным путеводителем; но требовать, чтобы он исполнялся по мере наших горячих желаний, а если не исполняется, то сетовать и грустить — недостойно такого характера, как ваш.

Мы света не переменим, а потому должны его брать как он есть, только не поддаваться ему и ясно видеть, что в нем наше, что чужое. Ясно же видеть можно только тогда, когда сохраним все присутствие духа, не омраченного скорбью и сетованием о несовершенствах света. Вы сами пишете, что у вас есть несколько хороших сестер, — ну и слава Богу! Будьте пока довольны и этим, и того уже довольно. Хорошее с трудом рождается на свет. Будь это хорошее хоть с соломинку величиной, — раздосадовавши на худое, не упустите и эту соломинку из рук. Посмотрите вокруг себя — ведь новое потоком льется к нашему старому.

Старые мехи должны лопнуть наконец от нового вина. Другое дело, — если вы убедитесь совершенно, что вас хотят заставить действовать по началам, диаметрально противоположным с вашими. Тогда и я вас не буду удерживать; бросьте все и сохраните

душу! Но покуда это еще не решено, подождите и убедитесь хладнокровно, не возмущаясь. Нет сомнения, что при известных *условиях* вы, с вашими твердыми убеждениями и с вашим искренним желанием делать добро, можете и должны быть полезны на том месте, которое занимаете. Это я знаю, как дважды два — четыре. Главное дело состоит в том, узнать — соблюдены ли и существуют ли эти условия; если их вовсе уже нет, если вы убедились единожды и убедились совершенно хладнокровно в невозможности их осуществления, тогда не оставайтесь ни на минуту, но — только тогда. Могли ли вы в самом деле думать, что в общине будет хорошо, когда ее основания еще очевидно так шатко поставлены; поколение, которое перед вами, не годится никуда; оно и в подметки не годится быть настоящим сестрам. Это ясно — и не могло быть иначе. Думайте только о будущем и старайтесь во что бы то ни стало приобрести эти условия, хоть с боя — для лучшего будущего. Не приобретете этих условий — уходите, ваша роль тогда кончена, и провидению не угодно было предоставить вам жить в будущем.

Подождите, что скажет великая княгиня [Елена Павловна]. Ее *fond** содержит в себе много превосходного; она принадлежит не к дюжинным личностям, и если что можно сделать хорошего, то именно через нее. Все зависит теперь от того, как бы из нее извлечь это хорошее. Действуйте осторожнее, не для себя, а для будущего всего дела, следствия которого неисчислимы.

Скажите Василью Ивановичу [Тарасову], чтобы он мне писал и меня не забывал; я всегда с большим удовольствием читаю его письма и всегда, всегда помню его; всегда буду знать и уважать как благородного и честного человека. Прочтите ему и мое письмо. Спешу послать на почту. В другое время напишу вам и больше.

Вас искренно уважающий *Пирогов*

№ 7

Киев. 1 сентября 1859 г.

Я очень благодарен жене, что она написала Вам, почтеннейшая Екатерина Михайловна, вместо меня, пользуясь моим отсутствием.

В письме ее, Вы, верно, это и сами заметили, много чувства, а, следовательно и правды, хотя бы и нелогической, но это все

* Основа, сущность.

равно, лишь бы правда. Я с моей стороны прибавлю к ее посланию немножко и логики. Надобно брать вещи, как они есть, это — первое, что, впрочем, нисколько не противоречит и необходимости всякого мыслящего и чувствующего человека — иметь свои идеалы или брать во внимание и идеальную сторону дела. Главное, — не пересолить. Я понимаю очень хорошо, как Вы теперь смотрите на нашу общину, побывав в Берлине и в Париже [...] для усовершенствования нашей общины, не выписывать же нам католицизм, протестантизм и пиетизм из-за границы. Будем, по крайней мере, довольны тем, что тогда как католицизм есть уже дело поконченное, и кроме того, что он произвел уже, ничего подобного более на свет не произведет, — наше Православие еще содержит в себе начало незаконченное и способное к развитию. Будем утешать себя этой мыслью, она пригодится не для нас, но, может быть, для наших внуков. Не все же жить в настоящем, надо уметь жить и в будущем; а без этого умения — беда; не имея его, да имея слишком живое чувство, можно попасть Бог знает куда. Не теряйте терпения, — одна попытка не удалась, попробуйте на другой манер, но за сделанное однажды держитесь крепко обеими руками, не упускайте его из отчаяния, что нейдет так, как бы хотелось.

Мысль учреждения общины в критическое время, ее действия — это все факты — «Errungenschaft», по-русски — достигнутого, как выражался король прусский, когда ему было жутко; это все-таки прогресс; оставить все это, бросить, кинуть — значило бы сделать шаг назад. А Вы, как истая русская прогрессистка, какую я Вас привык всегда видеть, не должны об этом и думать. И, я Вас уверяю, если Вы покинете общину, то будете сами потом грустить и упрекать себя. Великая княгиня не потеряла участия к общине, это доказывает и ваше путешествие, и приобретенный дом. Зачем же натягивать тетиву слишком туго?

Мужайся, стой и дай ответ! Казенщину трудно вытащить из сердца и головы русского человека; она проникла и в сердце женщины со времен Петра, а с ними и в Крестовоздвиженскую общину. Как же быть; не Вы одни с этим добром возитесь; с ним и Церковь Божия не скоро сладит. Прощайте покуда, уже поздно, и я иду спать, а Вы бодрствуйте — за себя и за общину.

Ваш Пирогов

Е. М. Бакуниной

[Вишня. Июнь. 1881 г.]

Благодарю от души, многоуважаемая Екатерина Михайловна, за добрую память обо мне, вашем старинном почитателе. Признаюсь, не понимаю, как вы, при вашей опытности и рассудительности, можете еще до сих пор сомневаться в пользе, доставленной вами страждущим людям. Что эта польза относится к общему итогу зла и добра, как капля к морю, это, конечно, также несомненно, но не уменьшает все-таки значения и той доли, или дольки, или долечки пользы, которая осуществилась и была вами осуществлена на деле. Санитарное дело в наших деревнях не достигает того значения, которое оно должно иметь, не только по недостатку материальных средств, но и потому, что наше простонародье не верит и не хочет верить в действительность приносимой санитарными мерами пользы. Распространять и укреплять в народе кредит в действительность этой пользы можно только наглядно, опытом, на деле. Поэтому как бы ни было мало и незначительно санитарное учреждение, если оно находится в хороших руках, может всегда и много содействовать к распространению и укреплению в народе убеждений в приносимой санитарным делом пользе. Достигнув этого, можете надеяться и достижения прогресса.

Ни одной минуты вам не следует сомневаться в значении исполняемых вами обязанностей. Взвешивать же и мерить степень приносимой пользы и добра — дело не ваше собственное. Главное — не терять уверенности в значении деда, которому посвящена была жизнь или долгое время жизни. А как мы все своими делами успели доказать всю важность дела, которым занимаемся искренно, с любовью и самоотвержением, это дело не наше. Мы должны только знать и помнить, что взгляды и мнения судей не могут быть у всех одни и те же: *Du choc des opinions jaillit la verité**!

Будьте здоровы и продолжайте вашу полезную деятельность. Это — мнение вам всегда преданного и уважающего вас

Н. Пирогова

* Из столкновения мнений рождается истина.